

Алексей Гридин

Книга о Праге

Алексей Гридин

**Книга о Праге. Город,
который я люблю**

«Издательские решения»

Гридин А. В.

Книга о Праге. Город, который я люблю / А. В. Гридин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935588-1

Эта книга посвящена Праге — городу, который я люблю. История и современность, легенды и достопримечательности, стихи Цветаевой, Сейферта, Аполлинера, собственные впечатления. Старе Место и Нове Место, Жижков и Винограды, Троя и Голешовице — места, где жили бравый солдат Швейк и Альбрехт фон Вальдштейн, Голем и император Карл IV, рыцарь Брунцвик и художник Йозеф Манес, а также прочие реальные и вымышленные персонажи.

ISBN 978-5-44-935588-1

© Гридин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Я помню, как все начиналось	6
История Праги с самого начала и до наших дней	12
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Книга о Праге Город, который я люблю

Алексей Владимирович Гридин

Дизайнер обложки Юлия Гридина

© Алексей Владимирович Гридин, 2019

© Юлия Гридина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-5588-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я помню, как все начиналось

Больше всего на свете я люблю жену и детей, книги и сыр, лежать на диване, ничего не делая, и Прагу. Побывать за границей получается нечасто. Но когда возникает такая возможность, и, кажется, было бы неплохо познакомиться с какими-нибудь новыми местами, я в большинстве случаев поступаю иначе – отправляюсь в чешскую столицу. Этот город не просто поднимает мне настроение. Он кажется неисчерпаемым. Здесь за каждым поворотом находишь что-то новенькое.

Конечно, у каждого – своя Прага. Одним важно, что здесь каждый камень из мостовой может читать тебе лекции по истории и часами перечислять знаменитостей, которые по нему ходили. Другие никак не могут закончить дегустацию всех сортов пива в местных кабачках – новые появляются быстрее, чем они успевают распробовать старые. Третьих восхищает то, как переплетаются в Праге реальная история и вымышленная: в этом городе жили храбрый солдат Швейк и астроном Тихо Браге, которому дальний родственник на дуэли отрубил часть носа, рыцарь Брунцвик и писатель Карел Чапек, благодаря которому наш язык обогатился словом «робот», глиняное чудовище Голем и Радола Гайда, один из предводителей антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса в Сибири, возглавивший затем эсеровский мятеж против Колчака во Владивостоке, да еще и на родине дважды пытавшийся затеять военный переворот и отказавшийся от наград, полученных от правительств Франции и Великобритании, когда узнал о Мюнхенском сговоре. Кто из них настоящий, а кто выдуманный? И эта историчность особенно остро чувствуется, когда вспоминаешь, что сам-то всю жизнь прожил в Новосибирске, которому от рода немногим больше ста лет.

А у кого-то не получилось влюбиться в этот город. Причины могут быть разные, но не стоит забывать, что на всей планете, наверно, не найдется места, которое очаровало бы всех без исключений.

У меня же меня вышло так. Однажды мы с женой решили, что пришло время сменить однокомнатную квартиру на «двушку». Дочь подросла, и было бы неплохо, наконец, выделить ей собственную комнату. Ни о каких путешествиях и речи пока что не шло. Знаете, если дальше дачи твои папа и мама никуда не отправлялись, ты как-то и не задумываешься о поездках. Какая заграница? Я и по России-то мало ездил. Жену тоже опытной путешественницей не назовешь: она, когда была ребенком, несколько раз переезжала с родителями из города в город, но в сознательном возрасте за пределы Новосибирской области никогда не выбиралась.

И вот мы купили новое жилье (на самом деле оно было довольно старым, зато двухкомнатным, и вообще я про поездки пишу, а не про квартирообмен). Нам удалось стать счастливыми обладателями «двушки» несколько дешевле, чем планировалось, и даже после небольшого ремонта у нас остались кое-какие деньги. Что с ними делать?

И тут меня осенило. «А не поехать ли нам куда-нибудь?» – спросил я. «А так можно?» – уточнила жена. В смысле – что там у нас с деньгами, документами, да и вообще – как это делается? «Деньги есть, – успокоил я, – документы оформим, да и со всем прочим разберемся». Отлично! Но... А куда мы вообще едем?

Сегодня уже сложно сказать, почему мы отправились именно в Прагу. Конечно, финансовый фактор на это повлиял: кругосветку на роскошном лайнере мы себе позволить не могли. Но, видимо, сыграли свою роль и завлекалки на страницах турагентств, все эти рассказы про старинные замки, средневековые соборы и вкусное пиво. Жену пиво не интересовало, а вот замки с соборами – совсем другое дело.

Тут дочь заявила, что на самолете она никуда не полетит, потому что она слышала, будто бы они падают. Идею с тем, чтобы затаскивать ее в самолет силой, мы, конечно, обсуждали – но отменили. В результате, путешествие наше выглядело довольно странно. Был заказан

автобусный тур из Бреста, а из Новосибирска до Москвы и из Москвы до Бреста мы добирались поездом.

И вот мы поехали. Мы – это папа Леша, мама Юлия, дочка Настя и дочкин игрушечный зверь Ушастый.

Двое суток мы ехали плацкартом из Сибири в российскую столицу, разглядывая в окно бескрайние заснеженные поля. Мы отмечали в вагоне Новый год, а утром 2 января бродили по Москве, встретившей нас ужасной промозглой погодой, ожидая поезда до Бреста. На следующий день, в раннюю рань, мы бежали к месту парковки автобуса: быстрее погрузимся – быстрее уедем – быстрее пройдем таможду. Правда, выяснилось, что «быстрее» – это не про нашу группу: кого-то пришлось ждать, и мы надолго застряли на границе между Беларусью и Польшей.

Сидели. Ждали. Было скучно. Дочка Настя рисовала игрушечному зверю Ушастому паспорт. Наконец, пришел польский пограничник и стал собирать документы. Paszport? – спросил он, увидев дочкино творение. «Ну да», – ответила та удивленно. Пограничник прихватил рисунок вместе с нашими паспортами, а потом вернул. Со штампом о въезде. Так игрушечный зверь Ушастый вполне официально попал на территорию ЕС.

Зверь Ушастый

Потом мы ехали через Польшу, гуляли по Варшаве, ночевали в отеле на границе с Чехией. И вот, наконец, она. Прага.

В эту поездку мы увидели очень, очень мало. С экскурсией прошлись по классическому маршруту, через Пражский Град и Карлов мост к Староместской площади. Несколько часов свободного времени – а затем нас увезли заселяться в отель. Стемнело, мы устали, и гулять по городу уже не хотелось.

Почему-то запомнился такой момент. Гид показал нам обменный пункт, где, по его словам, был выгодный курс. За кассой там стояла симпатичная девушка, а вот на улице зазывал прохожих тип с откровенно пиратской внешностью – высокий, тощий, длинноволосый. Похоже, еще пару часов назад он потрошил трюмы испанских галеонов. Только-только переодеться успел, да шпагу с пистолетом спрятал подальше от посторонних взглядов. Если бы не рекомендация гида, я бы не рискнул в такой обменник заглядывать – по крайней мере, без конвоя из парочки фрегатов. А с курсом, кстати, все оказалось в порядке.

Весь следующий день мы провели в Дрездене, который, конечно, прекрасен, но не Прага.

А вечером третьего дня надо было уезжать. Большая часть группы отправилась с экскурсией в Карловы Вары, а мы до вечера остались в чешской столице.

И все. Потом была дорога обратно, через Польшу и Беларусь, и поезд из Москвы в Новосибирск.

Три дня в Праге, которые, положив руку на сердце, тремя днями можно назвать лишь с натяжкой. Но мне хватило этого, чтобы влюбиться. Выше я писал, что так случается не со всеми. Вот маме Юле и дочке Насте просто понравилось. А у меня – тяжелый случай...

Через год мы снова были здесь, почти в том же составе, но без игрушечного зверя Ушастого, которого дочка к тому времени разжаловала из своих любимцев. На этот раз я много читал – «Википедию», туристические форумы, путеводители. У нас была неделя, и мы прилетели на самолете – дочку удалось уговорить, а когда вернулись домой, она задумчиво сказала: «Оказывается, летать на самолете совсем не страшно. По крайней мере, когда он не падает».

В первый раз мы увидели Прагу такой, какой ее видят многие туристы, приехавшие на пару-тройку дней в составе организованной группы. Теперь мы узнали ее гораздо ближе. И вот здесь меня накрыло тем, о чем я писал в самом начале. Этот город неисчерпаем. Сначала ты знакомишься с Пражским Градом, гуляешь по Карлову мосту, толкаешься в толпе перед Орлоем, ждущей, когда же знаменитые часы покажут свое представление, и неспешно бродишь по Вацлавской площади. Потом – Вышеград, зоопарк, Страговский монастырь, Петршинский холм, Ольшанское кладбище... Ты кормишь лебедей на берегу Влтавы, находишь на тихой улочке в Виноградах антикварный магазинчик или дегустируешь пиво в одном из многочисленных ресторанов. Время летит, и вот тебе пора уже отправляться домой, но... Прага все еще не поделилась с тобой всеми своими тайнами.

Мы с женой в зимней Праге

И заметьте – почти не пишу про пиво. Я его пью, но в небольших количествах: кружку-другую. И ни в коем случае не собираюсь строить из себя знатока. А ведь про пражские пивные можно сочинить многотомную эпопею.

Хорошо то, что в Праге без знания чешского или английского языка не пропадешь. Русский хотя бы на уровне «твоя-моя понимаю» там знают многие, хотя случаются порой забавные казусы. Например, напротив нашего отеля была кондитерская, в которой работала совершенно чудесная бабушка. Судя по внешности, она сбежала со съемочной площадки какой-нибудь доброй-доброй сказки. Выяснив, что мы из России, бабушка донесла до нас мысль, что когда она училась в школе (а, похоже, было это ну очень давно), то русский знала – ого-го. А теперь все забыла. И помнит только два слова: «Москва» и «спасибо». Но чаще всего, повторюсь, никаких проблем с языковым барьером нет, в ресторанах всегда есть русскоговорящий или хотя бы русскопонимающий персонал, на всяких базарчиках – тоже. Тем удивительнее было увидеть на дверях одного заведения общественного питания чудесное меню, в котором предлагались потрясающие блюда (особенности написания сохранены): «Жестеная морда», «Медовое облизывание (пальцев)», «Глухие уши» – их, кстати, делают из куриной грудки, и «Печень Людвы Пичмана» (Кто это?! Даже Google ничего не знает об этом человеке, не говоря уже о том, почему его печень разрешают поедать посреди цивилизованного европейского города).

Но вот ситуация изменилась. У нас родился второй ребенок. Немного позже мы поменяли двухкомнатную квартиру на трехкомнатную, и в этот раз сравнительно дешево решить квартирную проблему не получилось. О поездках на какое-то время пришлось забыть – надо было работать.

Однако в какой-то момент я понял – пора. Прага зовет меня, и когда я слышу этот зов, то противиться ему нет никакой возможности. С семейными путешествиями пока что все не просто (хотя мне, жене и дочери и удалось провести неделю в Санкт-Петербурге, оставив

самого младшего члена семьи бабушке, но с заграничными поездками все значительно сложнее). Но в 2017 году мне выпал шанс побывать в чешской столице дважды: в марте и в августе. Почему-то до этого все путешествия за границу случались зимой, но тут, наконец, все вышло иначе.

Не обошлось без проблем. Впрочем, небольшие трудности – это даже хорошо. Сначала ты преодолеваешь их, а потом, через несколько лет, вспоминаешь с улыбкой. Я получил новенький загранпаспорт, а пару месяцев спустя жена постирала рюкзак, в кармане которого он лежал. Рюкзак, увы, не подводная лодка, с герметичностью у него дела обстоят не очень хорошо. Паспорт погиб. Пришлось в срочном порядке получать новый.

Но нет худа без добра. Нет паспорта – нет поездки, и путешествие пришлось перенести с февраля на конец марта. Так и вышло, что, наконец-то, поехал за рубеж весной, а не зимой. А потом еще раз – летом.

И опять мне не хватило ни недели в марте, ни недели в августе. Я поднимался на Витков холм и искал памятник на Белой горе, сидел с книжкой в Летенских садах и любовался великолепными росписями на стенах Тройского замка. И мне было мало. А потом был май 2018 года. И все равно – мало. Безбожно мало.

Каждый раз неумолимо приходило время расставания. Самолет уносил меня обратно в Новосибирск. Но я был уверен, что еще вернусь сюда. Не знал, когда, но снова заходил на туристические сайты, читал отзывы, стараясь найти что-то интересное. То, чего еще не видел, и то, о чем даже не слышал.

В этой книге я хочу рассказать о Праге. О главных ее достопримечательностях, и о том, какими увидел их я – и во время поездок с семьей, и тогда, когда путешествовал в одиночку.

Прага. Просто Прага

Но Прага – это еще не вся Чехия. За пределами чешской столицы лежит немало городов, достойных внимания. И если у этой книги будет достаточно читателей, я постараюсь не лениться и рассказать о них. На очереди Брно и Оломоуц. А дальше? А дальше будет видно, но нельзя обойти внимание Кутну Гору с ее костницей и собором святой Варвары, Чески Крумлов с великолепным замком, Йиглаву с подземельями – и это только начало.

Прежде, чем перейти к рассказу про Прагу, обращу внимание на такой момент. Многие чешские имена и названия у нас принято писать то так, то эдак. Пршемысл и Пржемысл, Иржи и Йиржи, Старе Место и Старе Мнесто... По поводу последнего я наблюдал как-то раз на одном туристическом форуме настолько горячую битву между сторонниками обеих версий, что и чехи, наверно, удивились бы. И да, я знаю, что те по-чешски читается как «мне». Я не могу быть стопроцентно уверен, что всегда выбирал правильные варианты. Но, определившись, старался придерживаться стабильного написания одного и того же слова на всем протяжении книги.

Ну а теперь – добро пожаловать в Прагу. Мы начнем с начала. С древних времен, когда легенду сложно было отличить от истории, а история как две капли воды походила на легенду.

История Праги с самого начала и до наших дней

История Чехии – это во многом история Праги. И наоборот. Страна небольшая, и все, что здесь происходило, либо начиналось в столице, либо так или иначе ее затрагивало. И стоит сказать, что долгое время на картах Европы не было никакой Чехии. Эта страна сегодня состоит из нескольких областей: Богемии, Моравии и части Силезии. На протяжении сотен лет многие знали ее именно как Богемию, но чаще всего я буду, все-таки, называть ее Чехией, чтобы подчеркнуть преемственность государства, от полулегендарных князей раннего средневековья до современных президентов.

Можно услышать, что в каждом чешском городе – свои уникальные сорта пива, в каждом чешском замке живет привидение, а по поводу каждого момента собственной истории чехи готовы рассказать легенду. Насчет «каждого» – не знаю, но про основание Праги легенда действительно есть. Говорят, было так. Княгиня Либуше, будущая супруга Пршемысла Пахаря, того самого, от которого пошла династия Пршемысловичей, первых чешских князей и королей, владела даром прорицания. Однажды взошла она на холм, который мы сегодня зовем Вышеградским, и указала на другой берег Влтавы.

– Вижу город великий, – сказала она. – Есть в лесу место, в тридцати гонах отсюда, в излучине Влтавы. С севера ограждает его поток Брусница, что бежит в глубоком ущелье, на юге – скалистая гора, что возле Страгова леса. Там, в лесу, найдете вы человека – он обтесывает порог дома. И назовете вы город, что на том месте построите, Прагой. И как князья и владыки склоняют головы, переступая порог дома, так будут они кланяться городу моему. Воздадут ему все честь и хвалу, и будет слава его велика во всем мире.

И сбылось по слову ее. Нашли человека, и тот действительно обтесывал порог. Возвели крепость, а позже она превратилась в славный город. И назвали его Прагой – от чешского слова Prah, «порог». Возможно, на самом деле, имелся в виду не порог дома, а один из речных порогов на Влтаве.

Впрочем, современные ученые считают иначе. Крепость, давшая начало Пражскому Граду, существовала еще в IX веке. Тогда же здесь появилась первая христианская церковь. Что касается Вышеграда, то крепость на этом холме основана уже в X столетии.

Именно из Пражского Града управлял страной князь Вацлав, по мнению христиан – небесный патрон Чехии, которого признают святым и католики, и православные (под именем Венцеслава или Вячеслава Чешского). Его воспитала в христианской вере бабушка, святая Людмила, крещеная самим Мефодием Моравским, тем самым, что вместе с младшим братом Кириллом считается создателем славянской азбуки. Матерью Вацлава была Драгомира, организовавшая покушение на свою свекровь. Ее принято называть язычницей, хотя, чтобы стать княгиней, ей, конечно, пришлось принять крещение. В «Чешской хронике», составленной в XII веке, рассказывается, как Драгомира обвинила Людмилу в том, что она допустила к Вацлаву христианских священников, превративших князя в монаха.

Людмила, опасаясь невестки, которая в то время официально была регентом при малолетнем князе, скрылась в крепости Тетин. Но стены не остановили воинов из свиты Драгомиры. В ночь с 15 на 16 сентября 921 года двое дружинников проникли в крепость, ворвались в покои женщины, которой к тому времени было уже примерно 60 лет, и задушили ее. Возможно, что для удушения использовали ее повой – головной убор в виде платка или покрывала. Именно он впоследствии и стал символом святой Людмилы Чешской.

Невестка погубила свекровь, а князя Вацлава убил младший брат Болеслав, точнее, верные ему воины. Здесь сыграли роль и политические разногласия, и личная неприязнь, и то, что Вацлав был убежденным христианином, а Болеслав под влиянием матери тяготел к язычеству. Так один вошел в историю Святым, а другой – Жестоким.

Говорят, что спит теперь Вацлав в тайном укрытии в горе Бланик. Там же спят и его верные рыцари. Сон их прервется лишь тогда, когда самый страшный враг нападет на Чехию, и покажется его сила неодолимой. Но в самую страшную минуту откроются врата, и выйдет оттуда воинство святого Вацлава, а впереди – он сам на белом коне. Будет жестокая битва в полях рядом с Прагой, а после победы в Чехии навеки наступят мир и покой.

Вернемся от легенд к истории. В 965 году в Праге побывал путешественник Ибрагим-ибн-Якуб, арабоязычный еврей. Он подробно описал свою поездку в составе посольства, направлявшегося с торговыми и политическими целями в Магдебург, ко двору Оттона I Великого, короля Германии, а затем – императора Священной Римской империи. Записки Ибрагима-ибн-Якуба не сохранились, но их нередко пересказывали другие арабские авторы. От них мы узнаем, что, по мнению путешественника, Прага – это «город из камня и известняка, самое богатое торжище, славное конями, железом и оловом, в котором проживает мирно великое множество евреев».

В 973 году в Праге появляется собственный епископ, в 1085 году город становится столицей Чешского королевства, а в 1172 году берега Влтавы связывает каменный мост. Юдитин мост, названный так в честь Юдиты, супруги короля Владислава II – второй каменный мост в Центральной Европе, раньше такой можно было увидеть только в немецком Регенсбурге.

Строго говоря, поначалу Прага – не город, а несколько населенных пунктов и крепостей, расположенных поблизости друг от друга – Пращке Место (позже – Старе Место), Пращский Малый град (позже Мала Страна), Градчаны, Нове Место. Князья и короли никак не могли определиться, с какого берега удобнее управлять страной. В 1067 году князь Вратислав II решает, что его резиденцией станет Вышеград, который в те времена вообще не имел отношения к Праге. Он соперничает со своим младшим братом Яромиром, пражским епископом, и в 1070 году учреждает собственный капитул, независимый от того епископства, что на другом берегу Влтавы. По словам хрониста, «Король не желал считать брата равным себе, а епископ не хотел быть ниже брата». Королевская резиденция вернется в Пращский Град только через 70 лет, зато теперь крепость будет только разрастаться и в конце концов превратится в крупнейший архитектурный комплекс города.

В XIV веке Прага расцветает. Династия Пршемысловичей пала, по землям Чехии свирепствует чума – «черная смерть» охватила всю Европу, и от нее, как считают ученые, умер каждый четвертый, но Карл IV Люксембургский, взойдя на престол Священной Римской империи, делает Прагу в 1355 году имперской столицей. Пращское епископство возвышается до архиепископства, и в честь этого закладывается собор святого Вита. Возводятся новые укрепления, Карл IV велит начать строительство Нового Города (Нове Место) и создает традицию коронационного шествия из Вышеграда в Пращский Град через Нове Место, Старе Место и Малу Страну. Папа Климент VI издает буллу об учреждении в городе университета, которому император позже дарует независимость от светской власти.

Однако главная постройка XIV столетия – это, вне всяких сомнений, Карлов мост, который и по сей день не просто восхищает миллионы туристов, но и выполняет практическую функцию: дает возможность прийти из Старого Места в Малу Страну, Градчаны и Пращский Град. Ну, или проделать путешествие в обратном направлении. Придворные астрологи рекомендовали императору заложить первый камень в основание будущего моста ровно в 5 часов 31 минуту 9 июля 1357 года. Карл IV так и поступил, а о том, почему звездочеты выбрали именно это время, я расскажу в главе, посвященной Карлову мосту.

XV столетие ознаменовалось гуситскими войнами, которые сотрясали Чехию на протяжении 15 лет, и сменой династии. Ян Гус, священник, преподаватель Пращского университета (одно время он даже был его ректором), начал читать проповеди на чешском языке. В них он усомнился в правоте католической церкви по некоторым вопросам. Власти в целом поддерживали смелого проповедника, но в 1414 году он был вызван на собор, проходивший в городе

Констанца. Император Сигизмунд обещал ему защиту, однако выданная Гусу грамота оказалась всего лишь подорожной. Его обвинили в ереси, арестовали, а после суда приговорили к смертной казни через сожжение на костре.

Но костра хватило лишь на то, чтобы умертвить самого проповедника. Зато его учение продолжало жить. В 1915 году, через 500 лет после казни Яна Гуса, на Староместской площади воздвигли памятник в его честь. Так называемые чешские братья до сих пор сохраняют основы его учения, а в начале XX века церковь, отколовшаяся от чешских католиков, взяла себе имя гуситской.

Памятник Яну Гусу на Староместской площади

В 1419 году последователи Гуса во главе с Яном Желивским явились в Новоместскую ратушу, чтобы потребовать отпустить нескольких своих сподвижников, задержанных во время уличных беспорядков. Впереди процессии несли Святые дары, и брошенный кем-то со стороны ратуши камень попал в чашу для причастия. Это привело гуситов в ярость. Толпа жаждала крови. Люди ворвались в здание и выбросили судью, бургомистра и тринадцать членов городского совета в окна, на подставленные пики и мечи. Это событие вошло в историю как Первая пражская дефенестрация (от лат. de – «из» и fenestra – «окно»).

В Праге вспыхнуло восстание. Тут как раз умер от сердечного приступа король Вацлав IV, и власть перешла к гуситам. Они осадили Пражский Град, в котором укрылись солдаты, верные императору Сигизмунду. Сам император, стремившийся восстановить власть над мятежной Чехией, двинулся им на помощь с войском, состоявшим из польских, немецких, и венгерских рыцарей. Папа благословил поход и дал ему статус крестового, но это не помогло. Крестоносцы осадили Прагу, добились небольших успехов, но неудача в бою на Витковом холме, где гуситами командовал знаменитый Ян Жижка, привела к тому, что их командиры перессорились, и армия Сигизмунда отступила. Сегодня на холме возвышается памятник. Одноглазый полководец восседает на боевом коне, сжимая в руке свое излюбленное оружие – шестопер, и смотрит на Прагу.

Гуситы, считавшие католиков чем-то вроде отродий сатаны, остановили строительство собора святого Вита, повредили собор святого Петра и Павла на Вышеградском холме, осадили Страговский монастырь – от пожара пострадала знаменитая монастырская библиотека. Единства в их рядах не было: умеренные или чашники, которых поддерживали пражане, были готовы на компромисс с католической церковью, но радикальные или табориты собирались идти до конца и добиваться полной независимости страны и вероучения от папского престола. Жижка стал лидером таборитов и в 1424 году был даже готов разрушить Прагу за неповинове-

ние его приказам. Город спасло перемирие, заключенное между умеренными и радикальными гуситами.

Император Сигизмунд восстановил власть над страной, заключив союз с чашниками, позволивший нанести поражение таборитам. Но после его смерти наступили несколько лет «бескоролевья» или «межкоролевья» (*interregna*). В конце концов на трон взошел Иржи из Подебрад – в его честь в городе названы площадь и расположенная на ней станция метро. Затем власть на недолгое время перешла к польско-литовской династии Ягеллонов. При Владиславе Ягеллоне, кстати, чиновников еще разок выбросили из окон. Значительных последствий это не имело, так что данный случай не вошел в список пражских дефенестраций. Зато по Европе разошелся слух о том, что выбрасывание чиновников из окон является в Чехии нормальным способом решения конфликтов с властями. Тут как раз умерла Анна Ягеллонка, и чехи заговорили о том, что теперь у Фердинанда нет прав на корону, и пора менять правителя.

Старе Место, Нове Место и Мала Страна – напомним, тогда это были три независимых города – подписали «Дружественное соглашение» сословий, к которому стали присоединяться и другие города Чехии. Был созван сейм. Король запретил – а чехи не послушались. На Пражском сейме, состоявшемся в середине марта, дворянство и горожане Праги не только напомнили королю о разнообразных сословных привилегиях, но и потребовали новых.

Однако сейму не удалось быстро собрать ополчение и заручиться поддержкой многих чешских земель. Вдобавок к этому протестантская Шмалькальденская лига, на союз с которой можно было рассчитывать, потерпела сокрушительное поражение. Многие дворяне, видя, что король не идет на уступки, не были готовы к обострению ситуации. Зато Фердинанду удалось спровоцировать пражан на вооруженное выступление, которое он довольно легко подавил. После этого он лишил Прагу и 25 других городов множества привилегий, которые раньше у них были, отобрал у них земельные владения и потребовал огромную контрибуцию. Также будущий император велел разоружить ремесленные цеха, которые раньше могли выставять собственные вооруженные отряды.

Во время правления Фердинанда произошло еще одно важное событие. 2 июня 1541 года в одном из домов на Малой Стране начался пожар. Он перекинулся на соседний дом, пошел дальше, и дальше, и дальше... Пражский Град тоже не устоял перед огнем. Пострадал строящийся собор святого Вита – сгорело убранство, в чудовищном жаре расплавились колокола. Виновниками страшного бедствия выставили евреев – мол, они устроили поджог. Их изгнали не просто из Праги, а вообще из Чехии, запретив возвращаться.

Впрочем, в 1560 году евреям позволили вернуться. В 1567 году император Максимилиан II своим указом подтвердил их право проживать в Чехии.

Но мрачные века тоже когда-то заканчиваются. Если бы мы с вами жили в Праге в конце XVI века, то нам показалось бы, что вернулись благословенные времена, когда трон принадлежал Карлу IV. Рудольф II Габсбург в 1584 году вновь перенес императорскую резиденцию в Прагу. Он покровительствовал наукам и искусствам, при его дворе собрались астрономы Иоганн Кеплер и Тихо Браге, скульптор Адриан де Врис, художники Бартоломеус Шпрангер и Джузеппе Арчимбольдо. Император интересовался оккультизмом, надеялся, что алхимики расскажут ему, как делать золото из свинца, и неудивительно, что в 1580-х годах в Праге появляются знаменитый английский астролог, герметист и математик Джон Ди, а также его соотечественник, медиум и мистик Эдвард Келли.

В те времена в чешской столице жил раввин Иегуда Лев бен Бецалель, хорошо разбиравшийся не только в вопросах иудейской религии, но и в светских науках, в том числе в математике. Ему приписывают и владение секретами «практической каббалы» —проще говоря, магии. Есть немало легенд о том, как демонстрировал он свое искусство Рудольфу II, хотя на самом деле существует лишь одно достоверное свидетельство о встрече раввина с императором, и о чем они говорили, никто не знает.

Но самая-самая известная легенда, посвященная бен Бецалелю повествует о том, как он создал Голема. Вот как эту историю рассказывает Алоис Ирасек в своих знаменитых «Старинных чешских сказаниях».

«Еще большим чудом, чем явления праотцов еврейских пред королем в Градчанах, был Голем, слуга бен Бецалеля. Рабби сделал его из глины и оживил, вложив в уста шем, свиток с волшебным заклинанием. Голем трудился за двоих: прислуживал в доме, носил воду, колот дрова, подметал полы и вообще делал всю черную работу. Ему не нужны были еда, питье, сон и отдых. Только перед наступлением шаббата, под вечер в пятницу, когда всякая работа должна была прекращаться, рабби вынимал у Голема из уст свиток с шемом.

Однажды бен Бецалель собрался в Староновую синагогу, дабы освятить шаббат, но забыл про Голема и не вынул свиток из его уст. Только дошел рабби до храма и начал читать псалом, как примчались страшно напуганные домочадцы и соседи: перебивая друг друга, они с ужасом кричали о том, что у них творится. Голем разбушевался, и никто не смел к нему приблизиться, потому что каждого он готов был убить. Рабби тотчас все понял. Близился шаббат, и с его началом любая работа, всякое действие будут считаться грехом. Но псалмы, которыми освящался субботний день, рабби еще не дочитал, а значит, шаббат еще не наступил. Рассудив так, бен Бецалель заторопился домой. Еще издали услышал он неясный шум и раскатистые звуки ударов. Рабби вошел в свое жилище, все остальные со страхом последовали за ним.

И здесь он увидел, что натворил разбушевавшийся Голем: разбитая посуда, поломанные и перевернутые столы, стулья, сундуки и лавки, разбросанные книги. Голем уже безумствовал во дворе – там валялись мертвые куры, цыплята, кошка, собака, а глиняный истукан, весь красный, с черными волосами, разметавшимися вокруг головы, выдернул с корнем липу, словно кол из ограды.

Рабби двинулся прямо на Голема, воздев к небу руки; он шел и смотрел на истукана в упор. Голема затрясло, он выпучил глаза, словно скованный взглядом рабби. Бен Бецалель протянул руку и, коснувшись зубов Голема, вырвал из его уст свиток с волшебным заклинанием. Истукан тут же завалился назад, упал на землю и остался лежать там: вновь всего лишь бездушный кусок глины. Все люди, стар и млад, радостно закричали, подступили без страха к распростертому на земле Голему, стали смеяться и всячески поносить его. Рабби же только глубоко вздохнул, не проронив ни слова. Он опять направился в синагогу, где при свете ламп снова стал читать псалом и вскоре освятит шаббат, священный день субботний.

А когда суббота миновала, бен Бецалель уже не вложил вновь свиток с волшебным заклинанием в уста Голема. И Голем не ожил, а остался валяться глиняным истуканом на куче хлама. Потом перетащили его на чердак старой синагоги, и там лежал он, постепенно разваливаясь на куски».

Рудольф II привечал не только астрономов, астрологов, скульпторов и художников. При нем в городе ведется активное строительство. Много внимание уделяется работам в Пражском Граде. А еще император собрал обширную коллекцию книг, рукописей, картин, монет и всяческих редкостей.

Но у Рудольфа II были серьезные проблемы со здоровьем. Он страдал от депрессии и старался забыть о действительности за окнами дворца. У него было несколько любовниц и незаконнорожденных детей, но император так и не вступил в брак. Его законным наследником считался младший брат Матиас, который, видя психическое состояние Рудольфа, подписал с прочими родственниками соглашение, по которому они признали его главой династии. Австрия, Венгрия и Моравия поддержали Матиаса, но Богемия осталась верна Рудольфу. Однако не бескорыстно. В 1609 году император подписал составленный сеймом акт, уравнивавший чешских протестантов в правах с католиками, да еще и дававший им право выбрать собственный Комитет, который мог собирать свое войско.

Говорят, душевнобольной Рудольф II в борьбе с младшим братом даже обратился к помощи чернокнижников. Но ничего не вышло. Тогда он призвал двоюродного брата – Леопольда, князя-епископа Пассау. Тот отозвался и отправил ландскнехтов на выручку императору, но стало только хуже. Жадные до денег наемники разграбили и сожгли Малу Страну, из-за чего пражане отвернулись от Рудольфа. Разбираться с ландскнехтами из Пассау пришлось Матиасу, в пользу которого император, наконец, отрекся.

20 января 1612 года Рудольф II умер. Он стал последним монархом, захороненным в Чехии. Его могила находится в соборе святого Вита.

Тем временем в Европе дело шло к большой войне. Внешне это выглядело так, будто католики и протестанты пытались военным путем поставить точку в религиозном споре. В реальности же речь шла о том, будут ли Габсбурги и Священная Римская империя германской нации доминировать в Европе.

Император Матиас, коронованный в Чехии как король Матиаш II, формально подтвердил привилегии, данные его братом чешским протестантом. Но при этом он стремился упрочить положение католиков. Это вызвало недовольство как в целом в стране, так и в Праге, где традиционно были сильны протестантские позиции. У императора не было детей, и он, воспользовавшись отсутствием единства среди его противников, убедил сейм в 1617 году назначить наследником Фердинанда Штирийского, приходившегося ему кузеном. Беда в том, что тот был фанатичным католиком, воспитанным иезуитами.

Неудивительно, что год спустя чешские дворяне во главе с графом Матиасом Турном устроили Вторую пражскую дефенестрацию (вы еще не забыли, что значит это слово?). 23 мая 1618 года они выбросили из окон Пражского Града двух имперских наместников и состоявшего при них писца. В отличие от жертв первой дефенестрации, все трое остались живы. Более того, на самом деле в канцелярии в то время находились еще главный бургграф Адам из Штернберка и настоятель мальтийского ордена Демольт из Стракониц, но их не стали выбрасывать из окон по причине преклонного возраста. Однако нападение на представителей императора смело можно было расценивать как объявление войны.

Католики потом рассказывали, что не то Дева Мария расстелила покрывало, смягчившее падение чиновников, не то ангелы бережно опустили выброшенных в окно с 16-метровой высоты людей. Ну, как «бережно»? Наместник Славата, все же, расшиб голову. Зато жив остался – наместники укрылись в Лобковицком дворце, и бунтовщики, узнав об этом, решили их добить, но распорядившаяся тогда во дворце Поликсена из Пернштейна, жена канцлера Зденека Войтеха Попела, отказалась его выдать. Поликсена слыла женщиной суровой и умела настоять на своем, так что восставшие, буркнув что-то вроде «Не больно-то и хотелось», удалились. А вот злые языки утверждают, что все трое угодили в навозную кучу и именно поэтому выжили.

После Второй пражской дефенестрации чехи предложили корону молодому курфюрсту Пфальца Фридриху, лидеру Евангелической унии, основанной его отцом для защиты протестантизма в Священной Римской империи, и тот согласился. Однако в конфликте между империей и чешскими мятежниками уния предпочла остаться нейтральной.

Имперская армия вторглась в пределы Чехии. Поначалу чехам удалось нанести противнику несколько незначительных поражений, но 8 ноября 1620 года католики под командованием Бюкуа в сражении у Белой горы разбили протестантов, которых вел в бой герцог Христиан Ангальтский-старший. Фридрих Пфальцкий, получивший прозвище «Зимний король» благодаря короткому пребыванию на троне, бежал. Бежали и многие другие вожди восстания.

Именно это сражение имеет в виду Федор Тютчев, когда пишет в 1867 году стихотворение «Славянам»:

И то, что длилось веками,

Не истошилось и поднесь
И тяготеет и над нами —
Над нами, собранными здесь...

Еще болит от старых болей
Вся современная пора...
Не тронута Косово поле,
Не скрыта Белая гора!

С военной точки зрения еще не все было потеряно. За стенами Праги укрылась солидная армия. Ключевые крепости страны находились в руках протестантов, располагавших серьезными резервами. Но антигабсбургский лагерь опять подвело то, что в нем не было единства. Чехия капитулировала. И не просто капитулировала – на триста лет она потеряла независимость. 16 июня 1621 года на Староместской площади были казнены 27 предводителей восстания, попавших в руки католических военачальников. Сейчас это место отмечено 27 белыми крестами. Как пишет в «Старинных чешских сказаниях» Алоис Ирасек, который уже упоминался (и еще будет упоминаться) в этой книге, «рассказывают, что будто бы казненные дворяне и горожане один раз в году, в ночь накануне дня казни, сходятся на этом печальном месте. Идут они во главе с самым старшим, почти девяностолетним паном Карлиржем из Силевиц, за ним следуют пан Будовец из Будова, высокий и седобородый, старый пан Конецхлумский, Кохан из Прахова, пан Криштоф Гарант, Дивиш Чернин – пан из Михаловиц, Шлик, Ото из Лосу, пан из Биле, Гоштялек, Есенский, Воднянский, Вокач, Иржи Ржечиский, Кобр, Избицкий и другие, старые и молодые, а самый младший из них – сорокалетний Ян Кутнаур, что едва стоял на ногах, но держался гордо и умер с песней на устах. Соберутся они на месте казни, а потом тихо и безмолвно пройдут по площади до Тынского собора. Там они преклонят колени перед алтарем, причастятся по старинному обычаю и исчезнут без следа».

Белая гора в наши дни

Есть и другая легенда, не такая мрачная. Жил в Праге богач по имени Мыслик. Узнав, что протестантская армия проиграла битву, и город вот-вот будет захвачен, он решил бежать. Но у него не было возможности взять с собой все накопления, и он расплавил серебряные монеты и посуду, а затем вылил металл в глиняную форму в форме рыбы. Серебряную рыбу богач замуравал в стене дома, рассчитывая вернуться.

Но надежды Мыслика не оправдались. Он умер на чужбине. Дом постепенно ветшал и менял хозяев, причем каждый новый владелец все меньше платил за старую развалюху. И вот

очередному хозяину городские власти велели: либо сноси дом и строй на его месте новый, либо продавай его за бесценок и переселяйся на окраину. А нам надоело терпеть, что в самом центре города стоит здание, которое вот-вот рухнет.

Хозяин впал в отчаяние, потому что денег на снос и новое строительство у него не было. И вдруг поздно вечером он услышал грохот из дальней комнаты, куда он давно не заглядывал. Открывает он дверь – а там... В стене – трещина, а на полу лежит огромная рыба из серебра. Клада, который оставил Мыслик, хватило бедняку не только на возведение нового дома, но и на то, чтобы навсегда забыть о нищете.

Легенды легендами, а в реальности в Европе разгоралась война. Ей предстояло длиться до 1648 года. Впоследствии ее назовут Тридцатилетней, а многие историки будут говорить о ней как о первом по-настоящему общеевропейском конфликте.

29 марта 1624 года католицизм официально объявили в Чехии государственной религией. Недовольным предлагалось по-быстрому продать имущество и покинуть страну. По территории Чехии движутся армии. Наемники католических и протестантских государей одинаково разоряют попадающиеся им на пути города и деревни. В 1631 году Прагу заняли саксонцы-протестанты под предводительством Ганса Георга фон Арнима. Год спустя прославленный имперский военачальник Альбрехт фон Валленштейн осадил город и изгнал из него армию врагов габсбургской династии. Через несколько лет к Праге приблизились шведские войска – шведы поддержали немецких протестантов еще в 1630 году. Но они не смогли взять хорошо укрепленную чешскую столицу.

Однако самые суровые испытания выпали на долю Праги в последние месяцы Тридцатилетней войны. Шведы нанесли имперской армии несколько серьезных поражений, в том числе на территории Чехии. Правда, им так и не удалось взять Брно – этот город они осаждали несколько раз.

(Минутка саморекламы. Вы еще помните, что я хочу написать книгу о Брно? В ней я обязательно расскажу легенду о бессмертном шведском генерале Торстенссоне, которого можно было убить только стеклянной пулей, и курантах, что пробили полдень на час раньше, чем следовало).

Так вот, Брно шведам взять не удалось. Зато в ночь на 25 июля летучий отряд генерала Ганса Кристофа фон Кенигсмарка проник на территорию Градчан и Малой Страны. Им помог бывший имперский подполковник Эрнст Оденвальден. Покалеченного в боях офицера уволили со службы практически без гроша в кармане, и, встретив шведов под Хебом, он предложил бывшим противникам самое ценное, чем владел, – информацию. Оденвальден пообещал фон Кенигсмарку, что благодаря ему шведы захватят Пражский Град и Малу Страну, не потеряв ни одного солдата. Он хорошо был знаком с пражскими укреплениями и ночью провел три сотни шведов в город через проем в недостроенной стене Бржегновского монастыря. Им удалось тихо-тихо снять часовых, и лишь трое из нападавших получили ранения.

Солдаты разграбили город, захватив добычу, стоимость которой составила 12 миллионов гульденов – фантастическая по меркам того времени сумма. Также в руках шведов оказались десятки видных горожан и приезжих гостей, за которых они рассчитывали получить выкуп – в Праге шли празднества по случаю бракосочетания императора Фердинанда III, сменившего на троне Фердинанда II, и по этому поводу сюда съехались чешские аристократы. Самое главное – фон Кенигсмарк захватил коллекции, собранные Рудольфом II. Картины, скульптуры, редкие книги под усиленным конвоем отправились в Швецию. Достаточно сказать, что из 600 картин, перечисленных в описи коллекции от 1621 года, генерал отослал на родину 427.

Фон Кенигсмарк, получив контроль над левым берегом Влтавы, был готов двигаться через реку. Но солдаты увлеклись грабежом – они посчитали, чтобы набить карманы важнее, чем участвовать в реализации каких-то там стратегических замыслов. К тому же они рассчиты-

вали, что чехи встретят их как освободителей от гнета Габсбургов. Но жители Праги, видя, чем на самом деле занимаются «освободители», предпочли вооружиться и встретить их на Карловом мосту, тем более, что графу Рудольфу Коллоредо, командовавшему гарнизоном, удалось ускользнуть от шведов. Он благоразумно не пошел к Карлову мосту, где шведские солдаты перехватывали беглецов, а переплыл Влтаву и тут же, хотя и был одет лишь в ночную рубашку, принялся собирать всех, кто мог держать в руках оружие. Активное участие в обороне влтавского правобережья приняли студенты, которых вел в бой рослый иезуит Иржи Плахи, прозванный вражескими солдатами Черным Священником. В бою на Карловом мосту пражане отбросили шведов, и те продолжили грабить левобережье, ожидая подкрепления.

31 июля к Праге подошел уже не летучий отряд протестантов, а полноценная армия под командованием генерала Виттенберга. В конце сентября к ним присоединилась еще одна шведская армия, которую возглавлял принц Карл Густав. К гарнизону Рудольфа Коллоредо тоже пробилась подмога. Несколько месяцев шведы осаждали город. Они предприняли четыре крупных штурма, причем последний состоялся 24 октября. В этот день правители враждующих государств подписали Вестфальский мир, поставивший точку в Тридцатилетней войне, но в те времена не было ни интернета, ни телефона, ни даже телеграфа, и осада Праги продолжалась – никто не рассказал ни осаждавшим, ни осажденным, что война завершилась.

У защитников заканчивался порох. Граф Коллоредо предложил шведским генералам обсудить перемирие, но те выдвинули настолько унижительные условия, что возмущенные горожане заявили: будем сражаться до последнего. Наконец, 1 ноября шведы узнали о мирном договоре и прекратили боевые действия. Впрочем, последние солдаты протестантской армии покинули город только в сентябре 1649 года.

В честь того, что Прага не покорилась врагу, император Фердинанд III разрешил добавить на греб города руку с мечом на фоне открытых ворот.

Шведская осада произвела настолько сильное впечатление, что в 1649 году вокруг Праги начали возводить кольцо новых укреплений. Однако работы велись крайне медленно, и стены с бастиянами, завершённые только в 1727 году, уже не были способны защитить город от мощной артиллерии. Впрочем, они использовались в 1740-50-х годах, когда чешская столица несколько раз стала ареной военных действий. Сначала ее во время Войны за австрийское наследство взяла объединенная французско-саксонская армия. Затем Прагу осадили австрийцы, вынудившие истощенного противника пробиваться из города с боем. Пару лет спустя началась новая война, и теперь город заняли прусские войска Фридриха II. Во время Семилетней войны Фридрих II нанес серьезное поражение австрийцам и планировал вновь взять Прагу, где укрылись остатки разбитой армии, но тут военная фортуна повернулась к нему спиной, и ему пришлось отступить.

После Тридцатилетней войны значение Праги падает. Это уже не столица самостоятельного европейского государства. В 1743 году Мария Терезия, супруга Франца I, сначала – герцога Лотарингии, а позже – императора Священной римской империи, короновалась в Праге королевским венцом святого Вацлава, а затем увезла корону и другие регалии в Вену, чтобы показать, кто здесь настоящая власть. Правда, позже их на каждую коронацию возвращали в Прагу. Окончательно знаки чешской королевской власти вернулись на родину 29 августа 1867 года.

Мария Терезия официально не занимала императорский престол, но отсутствие формального титула не помешало ей стать великой правительницей. Она укрепляла государство – преследовала взяточников, развивала фабричное производство и торговлю, много внимания уделяла финансовым делам и налогообложению. Могущество империи росло, она уже не была хаотичным набором земель, объединившихся в результате полуслучайных династических браков и более-менее успешных войн. Но это неумолимо вело к потере национальной самобытности. И чехов это тоже коснулось. Знать уже давно не говорила по-чешски – в замках, на прие-

мах и балах, звучал только немецкий язык. Благодаря проводившейся политике онемечивания дело дошло до того, что сегодня, спустя сто лет после обретения Чехией независимости, есть немало людей, считающих, что чехи – германский, а не славянский народ.

Сын Марии Терезии и Франца I взошел на престол империи под именем Иосифа II. В 1784 году его указом четыре исторических квартала Праги, наконец, объединились в единый город. К тому моменту границы между ними уже практически невозможно было заметить. В 1760 году пражане засыпали рвы, разделявшие Старе Место и Нове Место, а вместо них разбили бульвары.

Иосифа II на престоле сменил Франц II. При нем Священная Римская империя станет именоваться Австрийской (и тогда император будет зваться Францем I Австрийским). В 1867 году государство Габсбургов опять сменит название и превратится в Австро-Венгерскую империю, но чехи продолжат оставаться второстепенным народом, который все больше онемечивается. Таблички на улицах Праги – на немецком языке. Преподавание в Пражском университете – на немецком языке. По словам историка Ф. Палацкого, в 40-х годах XIX века человек, который захотел бы в центре Праги спросить у прохожих дорогу на чешском языке, запросто мог натолкнуться на просьбу говорить по-человечески, то есть по-немецки. Реакцией на это стало чешское Возрождение, начавшееся в конце XIX века. А деятелей этой эпохи принято звать «будителями».

Будители – это филологи Йозеф Добровский и Йозеф Юнгманн, поэты Вацлав Ганка и Павел Йозеф Шафарик, историк Франтишек Палацкий и многие-многие другие. Их деятельность продолжат романист Алоис Ирасек, писательница Божена Немцова, поэт Ян Неруда, художник Йозеф Манес, скульптор Йозеф Мысльбек, композитор Бедржих Сметана – всех имен и не перечислишь!

После Наполеоновских войн в славянских странах начала формироваться идеология панславизма. Идея была в том, что этническая, культурная, языковая общность славян должна была привести к их политическому объединению. Сам термин предложил в 1826 году юрист и писатель Ян Геркель. Гимном панславянского движения стала песня «Гей, славяне», написанная в 1834 году Самуэлом Томашиком под названием «Гей, словаки», но затем несколько переиначенная.

Гей, славяне, наше слово
Песней звонкой льется,
И не смолкнет, пока сердце
За народ свой бьется.

Дух Славянский жив навеки,
В нас он не угаснет,
Беснованье силы вражьей
Против нас напрасно.

Наше слово дал нам Бог,
На то Его воля!
Кто заставит нашу песню
Смолкнуть в чистом поле?

Против нас хоть весь мир, что нам!
Восставай задорно.
С нами Бог наш, кто не с нами —
Тот падет позорно.

В 1848 году в Праге состоялся Славянский конгресс. Он прошел в неоренессансном Софийском дворце, находящемся на Славянском острове. Оказалось, что многие пражане ожидали от делегатов конгресса более радикальной позиции, и в городе начались волнения, а 11 июня случайная пуля убила княгиню Виндишгрец, жену австрийского фельдмаршала Альфреда Виндишгреца. Тот в ярости направил в Прагу войска. Солдаты открыли огонь по демонстрантам, горожане принялись строить баррикады. Фельдмаршал объявил в городе осадное положение и подтянул артиллерию. После бомбардировки восстание было подавлено. Завершить конгресс и принять какое-нибудь итоговое решение о славянском единстве не удалось.

Софийский дворец на Славянском острове

Но, несмотря на все трудности, Прага в XIX веке развивается. В 1829 году по городу начинают курсировать omnibusы на конной тяге, в 1875 году открывается первая линия конно-железнодорожной дороги, а в 1891 году появляется первый электрический трамвай. В 1850 году еврейский квартал, находящийся в старом центре города, получил название Йозефов и официально стал частью Праги.

В 1846 году на улицах появляются первые газовые фонари, а в 1882 году улицу Гибернску освещают электрические дуговые лампы.

В 1866 году началась война между Австрией и Пруссией. Прагу заняли прусские войска, и после того, как они оставили город, стало ясно, что никакого толка от имеющихся укреплений уже нет. Поэтому значительную часть стен и бастионов вокруг Малой Страны и Нове Места снесли, и это привело к бурному развитию пригородов, которые затем станут частью чешской столицы. В 1883 году в состав города, наконец, официально включен Вышеград.

В университете становится все больше студентов-чехов, и принимается решение о его разделении на два учебных заведения – чешское и немецкое. Впрочем, в 1920 году решение отменяют, и Пражский университет вновь станет единым.

В 1880-е годы в городе появляются Национальный театр и Национальный музей. В 1897 году открывается первый кинотеатр, а в 1911 году в Праге основана первая чешская киностудия Kinofa.

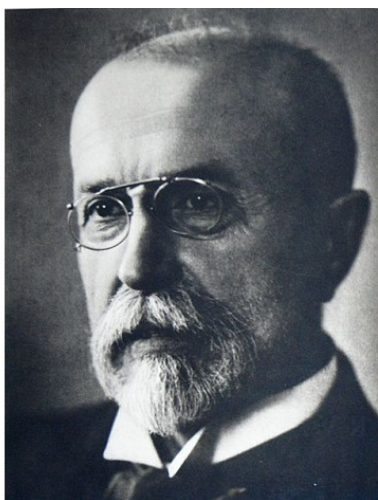
В 1900 году население Праги превысило 200 000 человек.

Отношения между чехами и немцами остаются напряженными. В 1891 году немцы бойкотируют промышленную выставку, объясняя это тем, что чешские участники стараются превратить ее в демонстрацию исключительно достижений своего народа. В 1893, 1897 и 1908 годах в городе даже пришлось ввести чрезвычайное, а в 1898 году – военное поло-

жение: чехи задирают немцев, те в долгу не остаются, то и дело вспыхивают стычки, которые едва не перерастают в масштабные погромы.

В такой обстановке Австро-Венгрия вступила в Первую мировую войну, которую она проиграла. Мобилизованные чехи массово переходят на сторону Франции, Италии и России, где из них формируют легионы, которые затем вступают в бой уже на другой стороне

28 октября 1918 года – особый день в истории Чехии. Именно тогда была провозглашена независимость страны. Все прошло мирно благодаря усилиям Национального совета и благоразумию офицеров, командовавших имперским гарнизоном. Прокламацию о независимости на Вацлавской площади прочел писатель Алоис Ирасек (одна из его работ – «Старинные чешские сказания», сборник беллетризованных легенд о мифическом и историческом прошлом Чехии, который я несколько раз цитирую в этой книге). Первым президентом независимой Чехословакии, как она тогда называлась, стал социолог и философ Томаш Гарриг Масарик, который много времени провел в России.

Томаш Гарриг Масарик

На посту премьер-министра первого чехословацкого правительства оказался Карел Крамарж, убежденный русофил, приговоренный австро-венгерским судом за свои прорусские высказывания к смертной казни (позже ее заменили 15 годами каторги).

Одним из символов обретенной независимости стал Национальный памятник, украсивший Витков холм. Масштабный мемориал возвели в 1929—33 году, и здесь предполагалось установить конную статую Яна Жижки. Но, хотя был проведен конкурс проектов и назван победитель – Богумил Кафка, реализовать эту идею не удалось: подготовка к отливке требовала немало времени. В 1939 году на Витков холм перенесли останки полковника Йозефа Иржи Швеца, отличившегося в битве под Зборовом – 1—2 июля 1917 года в этом сражении впервые приняли участие подразделения Чехословацкого легиона, сформированного в России (в битве участвовали два будущих президента Чехословакии – Клемент Готвальд на стороне Австро-Венгрии и Людвик Свобода на стороне России). В 1941 году нацисты уничтожили могилу, снесли часть мемориала, а помещения использовали в качестве склада.

Масарик, Крамарж и другие представители чехословацкой политической элиты поддерживали тесные отношения с правительством царской России, а затем – с Временным правительством. Они высоко ценили поддержку, которая Россия оказывала им, а также ту роль, которую она сыграла в формировании новой чехословацкой армии. Неудивительно, что Прага стала центром притяжения для многих русских эмигрантов, покинувших страну после революции 1917 года и гражданской войны. Здесь нашли пристанище поэтесса Марина Цвета-

ева, философ, богослов и экономист Сергей Булгаков, сатирик Аркадий Аверченко, писатель В. И. Немирович-Данченко, генерал Сергей Войцеховский, занявший важный пост в армии Чехословакии. И это – лишь несколько имен. А всего Прага приняла свыше 35 000 эмигрантов из России. В рамках т. н. «Русской акции» им оказывалась большая помощь: платились пособия, предоставлялись льготы на жилье. Для студентов открывались учебные заведения, где образование велось на родном языке. Чешское правительство старалось создать условия, в которых русские эмигранты могут не только сохранять, но и развивать национальную культуру. В то время господствовало представление о том, что большевистский режим падет в ближайшее время, и России понадобятся национальные кадры управления. Вот только история рассудила иначе.

Чехословакия останется независимым государством лишь до 1939 года.

Два десятилетия
(Да и то не целых!)
Как нигде на свете
Думалось и пелось.

Посерев от боли,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.